

УДК 821.161.1.09"1992/..."

ББК 83.3(2=411.2)6-02

В МИРЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИСКАНИЙ: СМЕНА ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ИЛИ КРИЗИС ТРАДИЦИОННОЙ НАУКИ?

О.А. Павлова

Во втором десятилетии XXI столетия отечественная литература, думается, переживает отнюдь не лучшие времена. Говоря о переходо-кризисном периоде существования литературы, мы имеем в виду не столько ее современный пласт (ибо постмодернизм исключает какую бы то ни было, в том числе аксиологическую, систему), сколько отечественную литературу как сущностную структурообразующую часть отечественной культуры, обеспечивающую россиянам национальную идентификацию. И обусловлен этот процесс социального забвения русской литературы многими факторами, среди которых реформа образования, приведшая учащихся к тестовой стандартизации сознания и исключившая литературу из обязательных экзаменов; процесс глобализации, повлекший за собой безусловный приоритет прагматических ценностей в современном российском самосознании; безудержный рост высоких информационных технологий, обусловивший доминирование цифровых носителей информации. Переход от бумажной книги к электронным носителям информации можно сравнить с революцией в книгопечатании, произведенной И. Гуттенбергом в XV веке. Только если от-

крытие Гуттенберга сделало книгу общедоступной, превратив ее на века в главного героя общественного процесса, то электронные носители информации и Интернет изрядно потеснили традиционную книгу видео- и аудиоформами подачи материала. Кроме того, Интернет, базирующийся на гипертексте и гиперссылках, стремительно трансформирует ментальность современного человека, для которого размывается граница между виртуально-игровым и онтологически-данным мирами, между авторством и плагиатом; его сознание становится фрагментарным, эклектичным, бессистемным. В связи с этим далеко не случайно одним из наиболее актуальных подходов к современному состоянию культуры является ее интерпретация через призму информационного общества, которое рассматривается не как «социальный факт», а как «предположение о возможном состоянии грядущего мирового сообщества» [16, с. 3]. Этой проблематике посвящена *монография А.В. Соколова «Информационное общество в виртуальной и социальной реальности»* [16].

Филологическая наука чувствительно реагирует на процессы, происходящие в современной литературной ситуации. Эти процессы

обуславливают *трансформацию эпистемологической парадигмы современного литературоведения*. Направленность данной трансформации связана с вытеснением классического литературоведения *комплексным подходом* к словесно-художественным произведениям, в котором доминирует *семиотический анализ*. Но в рамках самой семиотики произошли характерные изменения, связанные с методологическим расширением понятия «текст». Так, если в 1964 году Ю.М. Лотман связывал с понятием «текст» элементы структуры словесно-художественного произведения и говорил о тексте как о «графически зафиксированном художественном целом» [20, с. 159], то в 1966 году он назовет текстом «любое отдельное сообщение» [10, с. 83] и перестанет связывать понятие «текст» с литературным творчеством. В то же время Б.А. Успенский чрезвычайно расширит семантику термина «текст» до значения «языковое поведение индивида» [21, с. 6].

В современной ситуации постмодернизма, методологически проявленной в постструктуралистском (деконструктивистском) анализе словесно-художественных произведений, понятие «текст» трактуется чрезвычайно широко: «Все есть текст», где под текстом понимается вся совокупность артефактов, созданных человеком в процессе творения культуры и цивилизации. В итоге гуманитарное знание – на базе семиотики – отождествляется с культурологическим, социологическим, политологическим, психологическим и т. п., и происходит это в ситуации умаления значимости филологии. Между тем структурным ядром классического гуманитарного знания является филология – лингвистика и литературоведение. Об этом великолепно сказал В.М. Межуев в докладе «Гуманитарная наука и идеология». В частности, он отметил, что гуманитарий – «это, прежде всего, специалист по письменному языку, который приходит на смену устной речи», а «поскольку в русле традиции письменной культуры сложилось то, что принято называть национальными культурами (национальные литературные языки и национальные литературы), его можно назвать специалистом по национальной культуре» [11, с. 17]. Когда в культуру включаются и ее дописьменные формы – фольк-

лор, мифы, обычаи, тогда ею занимаются не столько филологи, сколько этнографы. Современная культура, «создаваемая и транслируемая электронными средствами массовой информации», проходит по ведомству «особого блока знания – социологического, который также не назовешь гуманитарным» [11, с. 18]. Иными словами, согласно В.М. Межуеву, подлинный специалист по культуре, а значит, *истинный представитель гуманитарного знания* – это *лингвист и литературовед*, ибо основа любой *национальной культуры* – это *литературный язык и литература*.

Но в современных гуманитарных науках основным методологическим инструментарием являются семиотика и герменевтика, интерпретирующие культуру как совокупность текстов, где текст понимается предельно широко. Симптоматично, что подобный подход в качестве наиболее приоритетного рассматривается в современных учебных пособиях. Учебники – наиболее «канонические», наименее подверженные стремительным модернизациям жанры научного творчества, и если новые методологические веяния проникают в сферу учебных пособий, то, несомненно, они носят глубинный характер, касающийся смены эпистемологической парадигмы современного литературоведения.

Так, учебное пособие *В.М. Головки* называется «*Герменевтика литературного жанра*» и содержит реализацию компетентностного подхода, утверждаемого Федеральными государственными стандартами третьего поколения. «Герменевтическая парадигма» в истолковании автора учебника базируется на «понимающем литературоведении» М.М. Бахтина. В контексте этих методологических установок системно характеризуется жанр произведения, при этом В.М. Головки предлагает установить баланс между «пониманием» и «интерпретацией» в процессе исследования произведения в его жанровой специфике [4].

В учебном пособии *Г.В. Токарева «Введение в семиотику»* систематизированы, обобщены и системно изложены различные семиотические теории. Кроме этого, пособие содержит задания, способствующие углубленному освоению семиотического подхода к литературе [19].

Семиотический подход, представляющий культуру как совокупность текстов, коррелирует с синергетикой, соответствующей пост-модернистской эпистемологической парадигме. Эту взаимосвязь демонстрирует учебное пособие *В.Г. Зинченко «Литература и методы ее изучения. Системно-синергетический подход»*, в котором весьма интересно и неожиданно соотнесены «классические методы изучения литературы с системно-синергетической парадигмой, прочно вошедшей в современное научное сознание» [7, с. 2]. Автор анализирует подходы к изучению литературы, базирующиеся на теории систем И. Пригожина, Г. Хагена, акцентируя внимание на «слове как “архетипе культуры”», на рецептивной эстетике, на категориях «концепт» и «дискурс» [там же, с. 3]. То, что учебное пособие В.Г. Зинченко имеет гриф УМО, свидетельствует не только о значимости, но и об общепризнанности данного методологического подхода в современном литературоведении.

Характерно, что теоретико-историческая рефлексия современных работ также ориентирована на структурно-семиотический подход к литературе. Об этом свидетельствует книга *С. Зенкина «Работы о теории»* [6], содержащая сопоставительный анализ литературоведческих идей русской формальной школы, Московско-Тартусской семиотической школы и французского структурализма. Автор подробно исследует концепции Р. Барта, М. Бахтина, В. Беньямина, П. Бурдьё, К. Гинзбурга, А. Греймаса, Ю. Лотмана, В. Шкловского и др.

Собственно, в современных культурологических изысканиях также доминирует семиотическая методология. Такковы две монографии международных коллективов ученых *«Ритмология культуры»* и *«Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы»*. В первой монографии культура исследуется в динамике, основанной на сложном взаимодействии «индивидуальных» и «социальных ритмов». При этом в рамках системного подхода к культуре анализируются разноаспектные «средства синхронизации и десинхронизации социальных процессов» – от духовно-идеологических до политических [14]. Во второй работе исследованы национальные особенности антропологии как науки, имею-

щей далеко не последнее отношение к филологии [1].

Итак, семиотический подход – и к культуре как совокупности текстов, и к словесно-художественным произведениям – присутствует в превалирующем большинстве исследований. При этом нередко литература как особый предмет анализа декларируется только в названии.

Такова очередная книга петербургского филолога, антрополога и семиотика *К.А. Богданова «Из истории клякс: Филологические наблюдения»* [2]. Необходимо отметить, что этот ученый славится своим нетривиальным подходом к истории мировой культуры, о чем явственно свидетельствуют названия его работ: «Врачи, пациенты, читатели. Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX вв.», «О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов». Не стала исключением и рецензируемая нами монография, в которой слово «филологические», вынесенное в название книги, присутствует на правах метафоры. Начав книгу главой «Первые уроки: чистописание в советской школе», Богданов в своих рассуждениях приходит к заключениям глубинного характера. Часть из них касается специфики ментальности советского человека: «Связь чистописания и поведения остается одним из устойчивых топосов детской советской культуры на протяжении нескольких десятилетий» [там же, с. 19]. Исходя из того, что клякса может выступить «чистым действием, интенциональностью, выражающей себя в акте невербального контакта с реальной или воображаемой действительностью», в других комментариях автор выходит на онтологический уровень существования культуры, делая вывод: кляксы имеют достойное место «в истории внимания к роли случайности и предопределения» [там же, с. 177]. Иногда кляксы играют резко отрицательную историко-филологическую роль в истории текста. Так случилось с чернильным пятном, заляпавшим страницу флорентийского манускрипта «Дафниса и Хлои». В то же время навсегда утраченный текст обрел множество вариантов интерпретации, ибо стал домысливаться читателями. Об этой истории повествует глава «Случай Поля-Луи Курье и семиотика испорченного

текста». Итак, богдановские «филологические наблюдения» сводятся к исследованию эмоционально-психологических, этических и идеологических социальных представлений, связанных с ситуацией порчи текста. Диалог культуры как упорядоченного текста и клякс как проявлений непредсказуемости, случайности, спонтанности осмысливается ученым как взаимодействие двух структурообразующих начал культуры – порядка и хаоса. Вне всяких сомнений, перед нами труд, исследующий литературу как часть культуры с точки зрения семиотики и не имеющий никакого отношения к филологии.

Одно дело, когда за отправную точку анализа берется «история клякс», и здесь нетривиальных подходов не избежать. Другое – когда объект исследования традиционен и каноничен, как, например, творческий путь Л.Н. Толстого. Однако современные литературоведы создают парадоксальные исследовательские прецеденты, рассматривая биографию классика через призму медицины. Такова книга **В. Порудоминского «Если буду жив, или Лев Толстой в пространстве медицины»**, демонстрирующая то, как писатель «постоянно искал новые и новые сопряжения “диалектики души” и “диалектики тела”» [13, с. 2]. Естественно, этот «медицинский» взгляд на творческий путь Л.Н. Толстого не имеет никакого отношения ни к медицине, ни к литературоведению, ни к комплексному методу, а является собой теоретико-методологическую эклектику, весьма характерную для современных постмодернистских «изысканий», нередко ориентированных на массового читателя.

Справедливости ради отметим, что среди современных филологических работ в традиционном аналитическом ключе выдержаны исследования, построенные на теснейшем взаимодействии лингвистики и литературоведения. Таковы «Основы лингвопоэтики» А.А. Липгарта [9], «Русская метафора: очерк семиотической теории» В.П. Москвина [12], «Функции метафоры» В.К. Харченко [23], «Слово персонажа в мире автора: Роман М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”» Т.А. Стойковой [17], «Континуальность пространства и времени в романе М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”» В.К. Харченко, С.Г. Григоренко [22]. Рассмотрим данные исследования подробнее.

«Основы лингвопоэтики» А.А. Липгарта состоят из трех глав: в первой главе продемонстрирован онтологический статус лингвопоэтики, ее теоретическая и методологическая база; во второй и третьей главах показаны междисциплинарные связи лингвопоэтики соответственно со стилистикой и литературоведением. Несомненным достоинством данной работы является то, что ее автор позиционирует себя продолжателем традиций школы О.С. Ахмановой, справедливо полагая, что «вне традиции существование в науке, как и вообще всякое существование, невозможно или, по крайней мере, непродуктивно» [9, с. 4].

Монография **В.П. Москвина «Русская метафора: очерк семиотической теории»** представляет собой комплексное исследование, адресованное специалистам в области «стилистики, литературоведения и риторики» [12, с. 2]. Трактую метафору как «сложнейшее явление лексической семантики», ученый дает ее характеристику с четырех аспектов – с точек зрения парадигматики, эпидигматики, синтагматики и типологии, чему соответствуют четыре части исследования [там же, с. 2, 3–198]. Парадигматический ракурс рассмотрения метафоры высвечивает ее соотношения с понятиями «троп», «фигура», с метонимией, эпитетом и синекдохой. Сфера эпидигматики позволяет понять сущность метафоры как «производного знака» через соотношение с такими понятиями, как сравнение, уподобление, образ. Синтагматика дает возможность выявить контекстуальные связи метафоры с гиперболой и литотой, с гротеском, абсурдом, олицетворением. Типология метафоры представлена тремя аспектами – семантикой, формальным выражением, функциональной характеристикой.

Именно последний аспект метафоры – ее функциональная характеристика – стал краеугольным камнем концепции монографии **В.К. Харченко «Функции метафоры»**. В своих рассуждениях В.К. Харченко исходит из двух гипотез, демонстрирующих связь между развитием языка и полисемией. Согласно первой, кажущейся «очевидной и бесспорной», с развитием языка «возрастает число значений в слове»; согласно второй, «сомнительной уже на чисто теоретическом уровне», «сохраняет-

ся примерно тождественное соотношение моносемии, бисемии и полисемии» [23, с. 9]. Но, проведя количественные исследования, ученый приходит к выводу о бесспорности второй гипотезы: «Словообразование и многозначность находятся в отношениях взаимного баланса» [там же, с. 11]. И происходит это во многом благодаря метафоре, имеющей, по мнению В.К. Харченко, пятнадцать функций, в числе которых демонстрирующие роль метафоры в художественном произведении стилиобразующая и жанрообразующая, а также текстообразующая, этическая, эвристическая, аутосуггестивная, кодирующая, конспирирующая, игровая, ритуальная и др. В итоге метафора понимается предельно широко – как один из семантических, смыслопорождающих «механизмов» эволюции языка и литературы.

Если работы А.А. Липгарта, В.П. Москвина, В.К. Харченко носят теоретический характер, то книга *Т.А. Стойковой «Слово персонажа в мире автора: роман М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита"»* в парадигме лингвопоэтики освещает сугубо историко-литературные вопросы. Несомненным украшением данного исследования является обширное теоретическое введение, в котором системно изложены проблемы изучения речи персонажа как части художественной реальности произведения. Т.А. Стойкова убедительно показывает целесообразность анализа дискурса персонажа «в единстве трех взаимообусловленных уровней языковой личности: семантико-грамматического, когнитивного и прагматического». Если «когнитивный план отражает систему ценностей персонажа», прагматический – «мотивы и цели его речевого поведения», то «семантико-грамматический уровень – та речевая форма, в которую «отливается» содержание когнитивного и прагматического уровней» [17, с. 19]. В монографии речь персонажа рассматривается не только в аспекте этих трех взаимосвязанных уровней, репрезентирующих «языковую личность» персонажа, но и «с учетом авторской модальности – оценочного отношения автора к персонажу» [там же, с. 3]. Книга состоит из трех глав, в которых проанализированы языковые личности Воланда, Ивана и Бегемота в авторской картине мира. Существенным недостатком работы является то, что автор никак не

мотивирует свой выбор персонажей романа в качестве объектов анализа.

Необычный ракурс изучения «закатного романа» писателя предлагают *В.К. Харченко, С.Г. Григоренко* в книге «*Континуальность пространства и времени в романе М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита"*». «Континуальность» пространства и времени авторы, «в противоположность дискретности и одноплановости», определяют как «переходность плюс совмещенность различных объектов с их характеристиками» [22, с. 18]. Рецензируемая книга демонстрирует продуктивность использования в одном исследовании литературоведческих и лингвистических методов анализа. Так, начав с характеристики особенностей интертекстуальности, романтического дискурса и хронотопа булгаковского романа, автор далее анализирует поэтику произведения в сугубо лингвистическом ключе, характеризуя «дейктические» и «частеречные» «механизмы пространственно-временной континуальности» в романе (главы 6 и 7 соответственно).

Среди работ, сохраняющих традиции классического литературоведения, выделяются исследования, посвященные утопии – жанру, находящемуся в литературном процессе на границе с наукой и философией. Тем не менее, интерес к этому «пограничному жанру» довольно высок, о чем свидетельствует переиздание книги *А. Свентховского «История утопий: от античности до конца XIX века»* [15]. Впервые изданная в 1910 году книга польского ученого являла собой первый опыт фундаментального философского, историко-литературного разбора утопических учений. Книга актуальна и поныне, так как содержит своеобразный каталог утопий от Платона и «утопической греческой сказки» до «утопизма научного коммунизма», «коллективистической», «анархической» и «индивидуалистической» утопий [там же, с. 3]. Книга классика утопиологии *Х. Гюнтера «По обе стороны утопии: контексты творчества А. Платонова»* содержит анализ всего наследия писателя в аспекте эволюции его мировоззрения. При этом доказано, что на Платонова повлияли Н. Федоров, Ф. Достоевский, И. Флорский, а утопия справедливо истолкована как синтетический жанр, впитавший в себя тра-

диции идиллии, волшебной сказки и др. [5]. Если книги классиков утопологии выдержаны в традициях классического литературоведения, то работа современного ученого **М.И. Шадурского «Литературная утопия от Мора до Хаксли»** отражает комплексный подход к этому «пограничному» жанру. Этот комплексный подход включает в себя исследование семиосферы, архетипов и элементов поэтики утопии. Исследователь убежден, что «семиозстетический коррелят смысла и текста, установившийся в ходе переосмысления канонических жанровых образований – мениппеи, пасторали и сократического диалога, образует ядро утопии». Причем эти жанровые каноны напрямую соотносятся с моделью острова, который «принадлежит к числу архетипических локусов мировой словесности» [24, с. 15, 17]. Именно архетип острова структурирует «жанровое мышление литературной утопии», характеристике которого посвящена первая глава книги; вторая содержит анализ утопий трех эпох – Ренессанса, Просвещения и Романтизма; в третьей главе дано описание «субжанровых разновидностей литературной антиутопии» XX века [там же, с. 18–160].

Общим свойством ряда литературоведческих работ стал поиск национальных – в первую очередь духовных или идеологических – истоков поэтики произведений. Такова монография **М. Вайскопфа «Влюбленный демиург: метафизика и эротика русского романтизма»**, в которой системно проанализирован генезис русского романтизма. Автор отмечает не только западные влияния (масонская и розенкрейцерская литература), но и отечественные истоки русского романтизма. В их числе – православие как духовная традиция и сентиментализм как традиция эстетическая [3]. Явственно выраженный патриотический пафос наличествует в написанной на стыке науки и публицистики книге **Л.А. Сычевой «Природа русского образа»**, содержащей пять бесед о поэтическом мастерстве с поэтом Валентином Сорокиным, проректором Литературного института [18]. Монография **В.В. Компанейца «Русская социально-философская проза»** содержит глубокий анализ поэтики русских реалистов последней трети XX века в контексте традиций отечественной религиозно-нравственной философии. Так, творчество Ю. Домбровского, С. Залыгина, В. Рас-

путина, В. Астафьева, Л. Леонова, В. Тендрякова, Ю. Бондарева, А. Солженицына, В. Шаламова исследовано в контексте философских систем И. Ильина, Н. Лосского, П. Флоренского и др. [8].

Таким образом, современные искания филологов явственно демонстрируют смену эпистемологической парадигмы, что ярко прослеживается в доминировании семиотического и герменевтического подходов к художественным текстам как артефактам культуры. Однако, думается, рано говорить о кризисе традиционного литературоведения, так как работы, написанные в «классическом» ключе, демонстрируют высокие научные достижения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы : сб. ст. / ред. и сост. А. Л. Елфимов. – М. : НЛЮ, 2012. – 208 с.
2. Богданов, К. А. Из истории клякс: Филологические наблюдения / К. А. Богданов. – М. : НЛЮ, 2012. – 216 с.
3. Вайскопф, М. Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма / М. Вайскопф. – М. : НЛЮ, 2012. – 696 с.
4. Головкин, В. М. Герменевтика литературного жанра / В. М. Головкин. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 184 с.
5. Гюнтер, Х. По обе стороны от утопии: контексты творчества А. Платонова / Х. Гюнтер. – М. : НЛЮ, 2012. – 216 с.
6. Зенкин, С. Работы о теории : статьи / С. Зенкин. – М. : НЛЮ, 2012. – 560 с.
7. Зинченко, В. Г. Литература и методы ее изучения. Системно-синергетический подход : учеб. пособие / В. Г. Зинченко. – М. : Флинта, 2012. – 184 с.
8. Компанец, В. В. Русская социально-философская проза последней трети XX века / В. В. Компанец. – М. : Флинта, 2012. – 240 с.
9. Липгарт, А. А. Основы лингвопоэтики / А. А. Липгарт. – М. : URSS, 2013. – 168 с.
10. Лотман, Ю. М. О построении типологии культуры / Ю. М. Лотман // Тезисы докл. во 2-летней школе по вторич. моделирующим системам, 16–26 авг. 1966 г. – Тарту : ТГУ, 1966. – С. 82–87.
11. Межуев, В. М. Гуманитарная наука и идеология / В. М. Межуев // Российская гуманитарная наука: генезис и состояние : материалы науч. семинара. – М. : Науч. эксперимент, 2007. – Вып. 2. – С. 8–39.

12. Москвин, В. П. Русская метафора : очерк семиот. теории / В. П. Москвин. – М. : URSS, 2012. – 200 с.
13. Порудоминский, В. Если буду жив, или Лев Толстой в пространстве медицины / В. Порудоминский. – СПб. : Алетейя, 2012. – 376 с.
14. Ритмология культуры / под ред. Ю. Ю. Ветютнева, А. И. Макарова, Д. Р. Яворского. – СПб. : Алетейя, 2012. – 279 с.
15. Свентоховский, А. История утопий: от античности до конца XIX века / А. Свентоховский. – М. : URSS, 2012. – 448 с.
16. Соколов, А. В. Информационное общество в виртуальной и социальной реальности / А. В. Соколов. – СПб. : Алетейя, 2013. – 208 с.
17. Стойкова, Т. А. Слово персонажа в мире автора: Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Т. А. Стойкова. – М. : URSS, 2012. – 144 с.
18. Сычева, Л. А. Природа русского образа. Книга о русской поэзии и художественном слове / Л. А. Сычева. – СПб. : Алетейя, 2013. – 208 с.
19. Токарев, Г. В. Введение в семиотику / Г. В. Токарев. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 500 с.
20. Труды по знаковым системам. 1. – Тарту : ТГУ, 1964. – 243 с.
21. Успенский, Б. А. Персонологические проблемы в лингвистическом аспекте / Б. А. Успенский // Тезисы докл. во 2 летней школе по вторич. моделирующим системам, 16–26 авг. 1966 г. – Тарту : ТГУ, 1966. – С. 3–9.
22. Харченко, В. К. Континуальность пространства и времени в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / В. К. Харченко, С. Г. Григоренко. – М. : URSS, 2012. – 200 с.
23. Харченко, В. К. Функции метафоры / В. К. Харченко. – М. : URSS, 2012. – 88 с.
24. Шадурский, М. И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы / М. И. Шадурский. – М. : URSS, 2011. – 160 с.